

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 8

«БАЛАНС»

Кирилл Попов

12+

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Кирилл Попов

**УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Книга 8: «БАЛАНС»**

«Автор»

2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 8: «БАЛАНС» / К. Попов — «Автор», 2026 — (УЗНИКИ ЭМОЦИЙ)

Книга завершает трилогию, начатую в «Пути Марка» (книга 6) и продолженную в «СМС» (книга 7), и является частью масштабной вселенной «Узники эмоций», включающей 19 книг. В антиутопическом мире будущего эмоции стали ресурсом, а люди — их поставщиками. Общество расколото на три касты: эмоционалов-доноров, продающих гормоны за токены; синтетиков-рабочих, лишённых способности чувствовать; и элиту, контролирующую систему. Марк, некогда помеченный как «Субъект 7А» за аномальную эмоциональность, пытается спасти своих детей — Тима и Лизу, чьи гормональные показатели на критической отметке. Вместе с союзниками — Ольгой, Линой, Анной и Игорем — он раскрывает архивы «Омега», узнаёт о проекте полного перехода на синтетических людей к 2080 году и активации нового протокола. За 72 часа до запуска массового перевода эмоционалов в синтетики Марк решает на отчаянный шаг: использовать непроверенные импланты-приёмники. Теперь на кону — не только жизнь его семьи, но и будущее человечества...

© Попов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пролог. Тень нового закона	5
Глава 2. Последний эмоциональный платёж	8
Глава 3. Возвращение в резервацию	10
Глава 4. Разрыв с прошлым	12
Глава 5. Назначение в лабораторию	14
Глава 6. Система гормональных платежей и слабые звенья	17
Глава 7. Тайна синтетиков и архив «Омега»	19
Глава 8. Мир разделённых и голос сопротивления	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 8: «БАЛАНС»

(2026–2070)

Глава 1. Пролог. Тень нового закона

Анна стояла у окна, сжимая в руках чашку остывшего чая. Её взгляд был устремлён вдаль — туда, где за горизонтом скрывалась резервация, место, ставшее одновременно и тюрьмой, и убежищем для многих. В воздухе витала тяжесть, будто сама атмосфера пропиталась страхом и неопределённостью эпохи токенов эмоций — валюты, выросшей из гормонального паспорта, заложенного ещё в 1980-х.

Лиза и Тим, её приёмные дети, сидели на диване, уткнувшись в старый планшет. Дети уже начали называть Анну мамой — осторожно, сначала лишь в моменты слабости или страха, а потом всё увереннее, словно пробуя на вкус это слово, которое когда-то казалось им чужим.

Марк стоял рядом с Анной, его рука едва заметно касалась её плеча — молчаливая поддержка, напоминание о том, что они не одни. Но в его глазах читалась тень тревоги, унаследованная от тех лет, когда он был «Субъектом 7-А», подопытным в экспериментах над эмоциями.

— Мам, — Лиза подняла глаза от экрана, — а правда, что теперь, если родители плохо вырабатывают гормоны, их вместе с детьми отправляют в резервацию?

Анна вздрогнула, но постаралась сохранить спокойствие.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Новые законы... Они ужесточили правила. Теперь семья остаётся вместе, даже если кто-то не справляется. Особые правила не делают исключений.

Тим оторвался от планшета и нахмурился.

— Но это же несправедливо! — его голос дрогнул. — Почему мы должны страдать из-за того, что кто-то не может вырабатывать достаточно гормонов?

Марк мягко улыбнулся.

— Мир стал таким, Тим. Система хочет, чтобы все были одинаковыми, чтобы никто не выбивался из общего ритма.

Лиза вздохнула и снова уткнулась в экран. Анна подошла к девочке, присела рядом и обняла её за плечи.

— Всё будет хорошо, — прошептала она. — Мы справимся.

Позже, когда дети снова углубились в свои занятия, Анна отвела Марка в сторону. Её голос звучал тихо, почти умоляюще:

— Марк, я понимаю, что ты хочешь дать детям опору... Но не стоит так открыто делать меня их новой мамой. Ольга... Она хоть и стала почти синтетиком, всё ещё их родная мать. Это может ранить её, даже если она сама этого не осознаёт. К тому же она когда-то помогла нам.

Марк вздохнул, провёл рукой по волосам. В его глазах читалась боль, смешанная с решимостью — той самой, что когда-то заставила его отправить через коммуникатор знаменитое сообщение: «Система лжёт. Эмоции не подлежат контролю. Мы — не ресурс. Мы — люди».

— Анна, Ольга сама решила остаться там. Она могла бы попытаться бороться, могла бы попросить помощи, но выбрала путь наименьшего сопротивления. Я не хотел, чтобы дети продолжали жить в той резервации, где их мать постепенно теряет себя. Они заслуживают лучшего. И они должны знать правду — о том, как эмоции стали товаром, о том, что за всем этим стоит старый архив, давший начало всей системе.

Анна опустила взгляд.

— Я просто боюсь, что это создаст ещё больше проблем. Система не прощает тех, кто идёт против правил. А ты... ты слишком открыто бросаешь ей вызов.

Марк взял её за руки, его голос стал твёрже:

— Иногда вызов — это единственный способ что-то изменить. Я не могу позволить, чтобы мои дети стали заложниками этой системы. И я благодарен тебе за то, что ты даёшь им тепло и заботу, которых они лишены... Но я не хочу, чтобы они забыли, кто их настоящая мать. Просто... сейчас она не в состоянии дать им то, что им нужно. Мы должны показать им, что значит чувствовать.

Анна кивнула, её губы дрогнули в слабой улыбке.

— Я понимаю. Просто будь осторожен. Помни, что за каждым шагом следят.

Марк кивнул в ответ, но в его глазах уже горел тот самый огонёк, который Анна хорошо знала, — огонёк непокорности, стремления бороться до конца, тот самый, что когда-то зажёгся в нём после прочтения дневника Ивана Сергеевича.

Тот день начался как обычно. Марк ушёл на работу пораньше — ему нужно было обсудить с коллегами очередной проект, который, возможно, помог бы улучшить условия в резервации. Анна осталась с детьми, помогая им с уроками и пытаясь отвлечь от мрачных мыслей о будущем.

Но всё изменилось в мгновение ока.

Громкий стук в дверь заставил всех вздрогнуть. Анна замерла, её сердце пропустило удар. Лиза и Тим переглянулись, в их глазах читался страх — они уже знали, что этот стук может означать. В памяти Анны вспыхнули воспоминания о том, как когда-то её отец передал ей флешку с данными старого архива...

Анна открыла дверь. На пороге стояли двое в форме «Чистых генов» — их униформа блестела холодным металлом, а лица были лишены каких-либо эмоций. За их спинами виднелась фигура Ольги — бывшей жены Марка, которую система теперь использовала как инструмент.

— По новому закону, — произнёс один из агентов бесстрастным голосом, — в связи с недостаточной выработкой гормонов у Ольги, живущей в свободной резервации, дети подлежат изъятию. Они будут переданы Ольге для мотивации её к работе в резервации и сдаче гормонов. Правила требуют соблюдения баланса.

— Что?! — Анна отступила на шаг, её голос сорвался. — Но они же ещё маленькие! Они живут со мной! Остановитесь!

Агент лишь холодно улыбнулся.

— Закон не делает различий. Они должны быть с матерью, даже если это означает, что дети будут использоваться как стимул. Если один из родителей находится в резервации, дети должны находиться с ним — таков закон! Эмоции — ресурс, и они должны работать на систему.

Лиза вцепилась в руку Анны, её глаза наполнились слезами.

— Не отдавай нас! — прошептала она дрожащим голосом.

Тим сжал кулаки, его лицо исказилось от гнева.

— Мы не хотим туда! Мы хотим остаться с папой!

Ольга стояла позади агентов, её взгляд был пустым, словно она сама уже не принадлежала себе. Она не произнесла ни слова, лишь опустила голову, будто извиняясь.

Агенты шагнули вперёд. Один из них взял Лизу за руку, другой направился к Тиму. Анна бросилась к детям, но её остановили, крепко схватив за плечи.

— Не трогайте их! — закричала она, пытаясь вырваться. — Вы не имеете права!

— Имеем, — ответил агент. — Закон превыше всего. Эти правила — основа нашего мира.

Лизу и Тима вывели из дома. Они оглядывались, их глаза молили о помощи, но Анна ничего не могла сделать. Дверь захлопнулась, отрезая их от неё, от безопасности, от всего, что они считали домом.

Марк вернулся домой через час. Он сразу понял, что что-то не так: дверь была приоткрыта, а Анна сидела на диване, обхватив себя руками, словно пытаясь согреться.

— Где дети? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Анна подняла на него глаза, полные слёз.

— Их забрали. Передали Ольге... чтобы мотивировать её работать в резервации.

Лицо Марка исказилось от боли и ярости, но он быстро взял себя в руки. В памяти вспыхнули строки из старого архива: «Кто решает, что такое норма?»

— Я найду их, — прошептал он. — Я верну их. И помогу Ольге. Она не виновата — система сломала её. Я знаю, как это исправить.

Анна кивнула, её губы дрогнули в слабой улыбке.

— Я буду помогать, чем смогу. Мы не одни — сеть сопротивления ещё жива.

Марк повернулся к двери. Его шаги звучали твёрдо и решительно, словно каждый из них был обещанием, клятвой, что он не остановится, пока не вернёт своих детей.

Глава 2. Последний эмоциональный платёж

Марк шёл по улицам города, сжимая в руке карточку гормональных токенов. В голове крутились слова Анны: «Мы не одни — сеть сопротивления ещё жива». Он должен был действовать осторожно, но быстро — времени оставалось всё меньше.

Его взгляд скользил по меню в кафе, где напротив каждого напитка значились не привычные цифры, а странные комбинации: «капучино — 5 токенов», «эспрессо — 3 токена», «горячий шоколад — 10 токенов». Он вздохнул и поднёс карточку к считывателю. Устройство мигнуло красным, высветив остаток: серотонин — 5 токенов. Ровно столько, сколько стоил кофе. Марк нажал «Подтвердить» и почувствовал короткое жжение в запястье — токены списались, а организм отреагировал едва заметной волной тревоги на уменьшение количества серотонина.

Пока бариста готовил напиток, Марк невольно обратил внимание на другого посетителя — синтетика в потрёпанной униформе. Тот протянул свою карточку, расплатился двумя токенами за пластиковый контейнер с едой и быстро убежал, боясь опоздать на работу с обеденного перерыва, который длился всего пятнадцать минут. Марк поймал себя на мысли, что когда-то и он считал такие суммы унижительными, но теперь это была норма — следствие многолетних реформ, запущенных ещё Орловым в 1990-х. Эмоции превратились в валюту.

— Ваш кофе, — голос бармена вырвал его из размышлений.

Марк обернулся. Перед ним стоял мужчина лет пятидесяти с усталыми глазами и седыми висками. На запястье — старый считыватель.

— Пётр, — представился бармен, ставя чашку на стойку. — Вижу, у вас минимальный баланс. Это сейчас у всех так. Инфляция гормонов бьёт по всем, особенно после последнего указа Орлова о перераспределении токенов.

Марк опустил взгляд на своё запястье. Его считыватель мигал красным, напоминая о критическом уровне серотонина.

— Да, — он сделал глоток кофе. Вкус был «пустым», как и всё остальное в этом мире, где эмоции больше не рождались естественным путём, а выдавались дозированно. — Говорят, они планируют расширить резервации. Снова будут отлавливать «нестабильных», чтобы выкачивать из них гормоны для элиты.

Пётр оглянулся, убедился, что рядом никого нет, и наклонился ближе. Его голос упал до шёпота:

— Они забирают последнее... Сначала токены, потом волю, потом — всё. Я знал одну девушку, Анну. Она пыталась раскрыть правду о лабораториях, где создают эликсир эмоций. После этого её объявили врагом государства.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок. Эти слова он уже слышал — в тот день, когда сам передал Анне информацию о подпольных лабораториях. Тогда это казалось отчаянным шагом, попыткой найти хоть какую-то альтернативу системе, основанной на идеях Орлова и данных старого архива. Теперь же это могло стать его приговором.

— Вы знали Анну? — осторожно спросил он.

Пётр вздрогнул, быстро огляделся и кивнул.

— Знал. И передал ей то, что не следовало. Теперь каждый мой шаг под контролем. Они вычисляют всех, кто связан с сопротивлением. Думаете, почему я здесь? Это не работа — это наблюдение. Система отслеживает каждый мой эмоциональный всплеск.

Марк задумался. В памяти всплыли лица Лизы и Тима, их испуганные глаза, когда агенты уводили их прочь. Он не мог подвести детей — и Анну, которая поверила в него.

— Что они ищут? — тихо спросил он.

— Всё. Лаборатории, данные, людей. Особенно тех, кто знает слишком много. Тех, кто помнит, как всё начиналось — с проекта «Омега», с идей Ивана Сергеевича о контроле эмоций,

— Пётр поставил перед ним блюдо с сахаром. — Возьмите. Бесплатно. Сладкое стимулирует выработку эндорфинов. Для позитива.

— Нет, спасибо, мне сейчас не до позитива, — ответил Марк.

Он допил кофе, бросил последний взгляд на мигающий красным считыватель и вышел на улицу. Ветер ударил в лицо, заставляя поёжиться. Где-то вдалеке загудел сигнал начала рабочей смены. На запястье Марка считыватель мигнул в последний раз и погас. Баланс серотонина — ноль.

«Я должен отправиться в резервацию, — мысленно повторил он. — Там, возможно, найдутся ответы. Возможно, там я узнаю, куда исчезли данные об имплантах, которые у доноров. И найду способ вернуть Лизу и Тима».

Он ещё не знал, что система уже готовит новый указ о расширении резерваций, а генерал Орлов, чьи идеи легли в основу правил контроля эмоций, готовится нанести первый удар по тем, кто осмелится сопротивляться. В его кабинете уже лежали планы по активации резервных кодов — тех самых, что были заложены ещё в 1990-х годах, во времена проекта «Тень».

Марк остановился на перекрёстке, глядя на серые здания и спешащих людей с потухшими глазами. Где-то там, в глубине резервации, были его дети. Он сжал в кармане пейджер — старенький, потрёпанный, но всё ещё работающий.

«Мы не одни», — повторил он про себя.

Глава 3. Возвращение в резервацию

Коридоры основного здания поселения резервации казались бесконечными — одинаковые, серые, словно выточенные из единого куска камня. Когда-то Марку казалось, что время здесь останавливается, застывает в вязкой тишине. Теперь он понимал: это не остановка — это ловушка. Лабиринт, из которого почти невозможно выбраться.

Марк провёл ладонью по стене — холодная, шершавая поверхность. Тактильное ощущение на мгновение вернуло его в реальность, напомнив, что он всё ещё здесь, всё ещё борется. В ушах эхом звучали слова Петра, бармена из кафе: «Они забирают последнее...» Теперь эти слова обретали новый смысл — не просто метафора, а буквальное описание системы, высасывающей из людей всё человеческое.

Он шёл, стараясь не обращать внимания на взгляды других обитателей резервации — потухшие, покорные, будто лишённые воли. Каждый шаг отдавался глухим эхом, словно сама резервация пыталась напомнить: «Ты вернулся. Ты снова наш».

Марк добрался до секции, где жили его дети. Сердце сжалось, когда он увидел Тима и Лизу. Их глаза, когда-то полные любопытства и жизни, теперь казались пустыми, лишёнными искры. На считывателях, закреплённых на запястьях, мигали красные индикаторы — уровень выработки гормонов стремился к нулю.

— Папа! — Лиза слабо улыбнулась, но улыбка тут же погасла, словно кто-то выключил её изнутри.

Тим молча подошёл ближе. Его движения были механическими, почти роботизированными — так двигаются синтетики, лишённые эмоций. Его дети превращались в то, против чего он боролся всю жизнь.

— Всё будет хорошо, — прошептал он, сжимая руку Лизы. — Я что-нибудь придумаю. Обещаю.

Выйдя из комнаты детей, Марк встретил Игоря. Тот стоял у панели управления вентиляцией и что-то настраивал, ловко щёлкая переключателями. Его лицо, покрытое сетью мелких морщин, выражало смесь усталости и безразличия — будто он давно смирился с происходящим.

— Вижу, ты обеспокоен состоянием детей, — тихо произнёс Игорь, не отрываясь от работы. — Я могу помочь.

Марк насторожился. В резервации доверять было опасно. Но в глазах техника он увидел что-то знакомое — ещё тлеющий уголёк, который скоро превратится в пепел. Этот взгляд напомнил ему самого себя много лет назад, когда он только начинал понимать, что система — не спасение, а тюрьма.

— Что ты предлагаешь? — спросил Марк, стараясь говорить как можно спокойнее.

Игорь огляделся, убедился, что рядом никого нет, и приблизился вплотную. Его голос перешёл на шёпот:

— В подпольных лабораториях экспериментируют с имплантами. Говорят, они могут стимулировать выработку гормонов. У системы есть слабые места: резервные серверы в подвале, считыватели уязвимы при электромагнитных помехах... Дальше нужно объяснять?

— Спасибо, я понял, — сухо ответил Марк.

Марк почувствовал, как в груди зарождается надежда. Он вспомнил, как передавал Анне информацию о подобных лабораториях. Тогда это казалось просто данными, теперь — шансом спасти детей.

— Откуда ты знаешь об этом? — спросил Марк.

Лицо Игоря будто хотело усмехнуться, но получилась какая-то непонятная маска скорби:

— Я здесь не первый год. Вижу, как система высасывает из людей всё человеческое. И знаю, что есть те, кто готов бороться.

Пока они разговаривали, в коридоре раздался плач. Марк обернулся и увидел, как охранник держал за руку маленького ребёнка. На экране его считывателя мигал индикатор: «Нарушение режима. Штраф: 3 токена, равных дозе окситоцина».

— Но я же ничего не сделал! — всхлипывал мальчик, пытаясь вырваться из рук охранника.

Тот лишь холодно усмехнулся:

— Правила есть правила.

Ребёнок замер. Его лицо стало пустым, а глаза потухли — так же, как у Тима и Лизы. Марк почувствовал, как к горлу подступает ком. Он вспомнил своих детей, их угасающие эмоции, и понял: если не действовать сейчас, Тим и Лиза станут такими же — пустыми оболочками.

— Спасибо, Игорь, — резко произнёс он.

Техник кивнул:

— Будь осторожен. Система не прощает тех, кто против неё.

Оставшись один, Марк глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

«Я не позволю им стать синтетиками, — твёрдо решил он. — Если подпольные лаборатории могут помочь, я найду их. И сделаю всё, чтобы вернуть детям эмоции. Я должен найти тех, кто ещё борется».

Он направился к выходу из секции. Впереди его ждали опасности, но теперь у него был план. И союзник.

У самой двери Марк остановился и оглянулся на комнату, где остались Тим и Лиза. Лиза смотрела ему вслед, её глаза чуть блестели — возможно, там ещё теплилась искра надежды. Тим стоял рядом, его лицо оставалось бесстрастным, но Марк уловил лёгкое движение пальцев — будто он пытался что-то сказать, но не мог.

«Скоро, — мысленно пообещал он. — Скоро вы снова будете чувствовать. Я найду способ обойти систему — ради вас, ради Анны, ради всех, кто ещё помнит, что такое настоящие эмоции».

Он вышел в коридор, и дверь за ним закрылась с тихим шипением. Впереди его ждала встреча с подпольем — первый шаг на пути к спасению детей. Но он ещё не знал, что Ольга, его жена, тоже стоит на пороге важного решения. Её путь к сопротивлению только начинался — и скоро их дороги вновь пересекутся.

Глава 4. Разрыв с прошлым

Марк остановился перед дверью, где Ольга работала днём, набрал код доступа и вошёл. Она сидела у окна — её пальцы механически протирали очередную пластиковую тарелку из общей столовой. Этот ритуал приносил два токена в день: капля искусственной стабильности в стерильном мире резервации. За окном кружились снежинки, но в помещении царила вечная весна: климат-контроль не допускал ни холода, ни тепла, ни перемен — как сама система, выхолостившая чувства до безопасных шаблонов.

— Ольга, — Марк подошёл ближе, стараясь поймать её взгляд.

Она подняла глаза — пустые, как экраны считывателей на запястьях синтетиков. В них не было узнавания, только лёгкая фокусировка: она подключила считыватель к разъёму общего терминала, который располагался в каждой квартире резервации. Устройство на запястье подало слабый сигнал: два токена только что поступили на счёт.

— Марк? — её голос звучал ровно, без интонаций. — Ты опять здесь.

Он сел рядом, взял её руку — она была холодной, почти без пульса. В памяти вспыхнули обрывки: смех Ольги на берегу озера, её глаза, полные слёз, когда они впервые увидели Тима и Лизу. Теперь эти образы казались чужими, будто принадлежали кому-то другому.

— Я пришёл за тобой, — сказал он. — Мы уйдём отсюда. Я найду способ вернуть тебе чувства.

Ольга улыбнулась — движение мышц, отработанное до автоматизма.

— Вернуть? — она повторила слово, словно пробовала его на вкус. — Я уже не помню, как это — чувствовать по-настоящему. Всё кажется... далёким. Как сон, который забываешь сразу после пробуждения.

Марк сжал её руку крепче.

— Помнишь, как мы прятались от дождя в том старом кафе? — он говорил тихо. — Ты тогда сказала: «Даже если мир рухнет, я хочу, чтобы ты был рядом».

Ольга нахмурилась, будто пыталась разглядеть что-то сквозь туман.

— Кафе... дождь... — она повторила, но в голосе не было узнавания. — Это было до резервации или после?

Марк кивнул, хотя понимал, что её мозг и сознание меняются...

— В подпольных лабораториях экспериментировали с имплантами, — он заговорил быстрее. — Они могут не только забирать, но и принимать гормоны. Я создам имплант-приёмник. Для тебя. Для детей. Он даст им возможность чувствовать — по-настоящему, а не за токены.

Ольга посмотрела на него — впервые за долгое время в её взгляде мелькнуло что-то живое.

— Приёмник... — прошептала она. — Чтобы чувствовать? Но разве это не опасно? Протокол «Омега» не оставит нас в покое.

— Протокол «Омега» уже всё у нас забрал, — Марк встал, потянув её за руку. — Если я не попробую, Тим и Лиза станут такими же. Я не могу этого допустить. Они рождены не синтетиками, но у них должно быть право выбирать — чувствовать или нет.

Она медленно поднялась, её взгляд скользнул по окну, где снежинки таяли, не долетая до земли.

— Хорошо, — сказала она почти беззвучно. — Но я не могу уйти. Пока не могу. Мой организм... он почти не вырабатывает гормоны. Я здесь на учёте. Если я исчезну, они начнут искать. И найдут вас. Протокол «Омега» отслеживает каждый шаг.

Марк отпустил её руку. В груди разливалась пустота, похожая на тот самый дефицит серотонина, что показывал его считыватель. Он потерял жену — не физически, но как эмоци-

ональную личность. Она стала частью системы, её шестерёнкой, получающей крохи чувств за уборку и послушание.

— Тогда я сделаю это один, — он отступил к двери. — Но я вернусь. С имплантом. И ты вспомнишь, каково это — любить, бояться, надеяться. Вспомнишь, что значит быть живой. Обещаю.

Ольга кивнула, снова берясь за тарелку. Её пальцы двигались ровно, без дрожи.

— Будь осторожен, — произнесла она, — и в этой фразе, может быть, впервые за месяцы, прозвучало что-то, похожее на заботу.

Марк вышел в коридор. За спиной щёлкнул замок — звук, похожий на щелчок затвора. Он прислонился к стене, закрыл глаза. Где-то глубоко внутри зрела решимость: он создаст имплант. Не ради революции, а ради того, чтобы Ольга снова смогла заплакать, засмеяться, закричать. Ради того, чтобы его дети не забыли, что значит быть живыми.

В кармане завибрировал пейджер — сообщение от техника Игоря: «Лаборатория. Сегодня. 22:00. Есть данные по старым имплантам. Архив „Омега“ может дать подсказки по алгоритму синхронизации». Марк сжал устройство. Он знал, что за этим сообщением — не просто данные. Это был шанс вернуть чувства, которые Протокол «Омега» так долго отнимал.

В голове билась одна мысль: «Я успею. Я спасу их». Впереди ждала лаборатория — первый реальный шаг к созданию импланта-приёмника. Марк знал: обратной дороги нет. Он вступил на путь, где цена ошибки — не токены, а человеческие судьбы.

Глава 5. Назначение в лабораторию

Считыватель на запястье слегка вибрировал в такт каждому вздоху, напоминая о том, что уровень серотонина снова опустился ниже нормы. Марк старался не обращать внимания на этот сигнал: сейчас были заботы поважнее. После разговора с Игорем и тяжёлой встречи с Ольгой он понимал — времени почти не осталось. Тим и Лиза теряли эмоции с каждым днём, а он должен был найти способ им помочь.

Двери лаборатории тихо открылись, и перед ним предстал мир, который одновременно пугал и манил. Ряды стеклянных колб с разноцветными жидкостями, мерцающие экраны с графиками и диаграммами, учёные в белых халатах, склонившиеся над микроскопами... Всё здесь дышало наукой — но наукой, подчинённой системе, которая отнимала у его семьи самое дорогое.

— Добро пожаловать, Марк, — раздался голос за спиной.

Он обернулся и увидел женщину лет пятидесяти с небольшим, с пронзительными голубыми глазами и аккуратно собранными в пучок тёмными волосами.

— Я доктор Лина. Я знала, что вы придёте, — добавила она.

Марк кивнул, пытаясь скрыть удивление. Он знал, что Лина — ведущий биохимик проекта, и от неё зависело многое. В голове промелькнули обрывки информации: Лина стояла у истоков создания экстрактора гормонов; он слышал, что её отправили в Заполярье, теперь она работала на Протокол «Омега» — централизованную систему управления, выросшую из архива «Омега».

«Неужели она выбрала сторону Орлова? Или её заставили?» — подумал Марк.

— Спасибо, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. По легенде он пришёл сюда, чтобы начать работать: заранее обратился в «Чистые гены» для воссоединения с семьёй. — Я готов приступить к работе.

Лина улыбнулась — но это была улыбка, лишённая тепла. Скорее, знак профессионального одобрения.

— Отлично. Тогда давайте начнём с экскурсии.

Она провела его мимо столов с пробирками, где лаборанты аккуратно смешивали капли гормонов, мимо стендов с имплантами, которые выглядели как миниатюрные механизмы будущего кошмара.

— Это лаборатория по изучению эффектов смешивания гормонов, — объяснила Лина, указывая на экран, где мерцала кривая графика. — Вот, взгляните.

Марк подошёл ближе. На графике были две линии: одна, обозначающая эмоционалов, плавно шла вниз, другая, символизирующая синтетиков, неумолимо поднималась вверх. Рядом мелькали цифры: «2026 год. Эмоционалы: 32 % населения. Синтетики: 65 %».

— Это данные за последние десять лет, — тихо сказала Лина. — Видите? Эмоционалы теряют способность вырабатывать гормоны естественным путём. А синтетики... Они становятся нормой.

Марк почувствовал, как внутри него что-то сжалось. Он вспомнил Тима и Лизу — их бледные лица, пустые глаза, в которых почти не осталось жизни. Если не действовать быстро, они станут такими же — частью этой растущей линии на графике. Перед глазами всплыла картина: Лиза, которая когда-то смеялась так заразительно, теперь механически протирает тарелку ради двух токенов.

— Но ведь должны быть способы это остановить? — спросил он, стараясь не выдать отчаяния в голосе.

Лина вздохнула и отвела взгляд.

— Были эксперименты, — призналась она. — Ещё до легализации системы. Импланты-приёмники... Они давали временный эффект при введении небольшого количества «Искры» — искусственного серотонина для торможения деградации эмоционалов. Но добровольцы теряли волю. Становились послушными машинами, фактически попадали в зависимость от получения малой дозы «Искры» по расписанию. Импланты-приёмники изначально планировалось разработать для быстрого введения «Искры» — поддержания стабильного состояния синтетиков.

Она подошла к шкафу с архивами и достала папку с пометкой «Искра». Марк заметил, что на корешке папки едва различим старый символ архива «Омега» — треугольник с вписанным кругом.

— Вот, посмотрите. Это первые результаты, — сказала Лина, протягивая папку.

Марк открыл её и увидел фотографии: лица людей, которые когда-то были эмоционалами, теперь выглядели как маски. Их глаза были пусты, движения — механичны. В углу одной из фотографий стояла пометка: «Субъект 7-А. Уровень эмоциональной реакции — 97 %». Сердце Марка сжалось — он знал, что этот код когда-то принадлежал ему. Воспоминания нахлынули волной: первые испытания, ощущение потери контроля, страх, который он тогда едва осознавал.

— И это всё, что у нас есть? — прошептал он.

— Не совсем, — Лина понизила голос, оглянувшись на дверь. — В архивах есть схемы первых имплантов-приёмников.

Марк поднял глаза. В них вспыхнула искра надежды.

— Где эти архивы? — спросил он.

Лина улыбнулась — на этот раз по-настоящему, с проблеском сочувствия.

— Я могу показать вам. Но это должно оставаться между нами. Система не простит нам такого любопытства.

Марк кивнул. Он понимал риски, но выбора не было. Его дети ждали.

— Я готов, — сказал он твёрдо. — Покажите мне эти архивы.

Лина кивнула и направилась к двери в дальнем конце лаборатории. Марк последовал за ней, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Он знал: то, что он увидит сейчас, может изменить всё. Или погубить его.

По пути они проходили мимо камер наблюдения. Марк на мгновение замер, глядя на объектив. Ему показалось, что система уже знает о его планах. Но он отогнал эту мысль. Сейчас главное — найти способ помочь детям, вернуть им возможность чувствовать.

В комнате архивов пахло старой бумагой и пылью. Лина ввела код на панели, и дверь открылась, обнажая ряды полок с файлами. Среди них Марк заметил папки с маркировкой «Архив „Омега“» и «Проект „Надежда“» — последний был связан с реабилитационными программами, о которых он слышал от Ольги.

— Вот, — она протянула ему папку с выцветшим штампом «Проект „Надежда“». — Это то, что вы искали.

Марк взял папку, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Он открыл её и увидел чертежи — схемы имплантов, которые могли бы передавать гормоны от эмоционалов к синтетикам. Это был шанс.

— Спасибо, — прошептал он, поднимая глаза на Лину. — Вы не представляете, как это важно.

— Я догадываюсь, — ответила она. — И я хочу помочь. Система должна измениться. Иначе мы все станем такими же, как те, кого видим на графике.

Марк улыбнулся — впервые за долгое время. В этой холодной, стерильной лаборатории он нашёл не только надежду, но и очередного союзника.

— Тогда давайте работать, — сказал он. — У нас мало времени.

Лина кивнула, и они приступили к изучению схем. Где-то в глубине души Марк знал: это только начало. Но теперь у него был план. И человек, который готов был помочь его осуществить.

Пока Марк и Лина изучали архивы, один из мониторов в лаборатории моргнул, показывая, что камера в комнате архивов всё ещё активна. Кто-то наблюдал за ними. И этот кто-то уже отправлял сообщение вверх: «Объект Марк проявляет повышенный интерес к запрещённым архивам. Требуется наблюдение». В углу экрана мелькнула подпись отправителя: «Служба Эмоциональной Безопасности. Код „Тень“». Марк этого не видел, но он чувствовал неизбежную угрозу.

Глава 6. Система гормональных платежей и слабые звенья

В главном зале гормонального банка пахло едва уловимой горечью — так пахли окисляющиеся токены при конвертации. Марк стоял у стойки и наблюдал, как банкир с бесстрастным лицом вводит данные в терминал. На экране мелькали цифры:

— За сдачу 0,5 микрограмма серотонина начислено 50 токенов. Комиссия системы — 10 %. Итого на счёт зачислено 45 токенов, — монотонно произнёс банкир, не поднимая глаз.

Марк сжал кулаки. Он чувствовал, как под кожей запястья пульсирует считыватель гормонов — холодный, металлический, будто клеймо. В памяти всплыли слова Петра, бармена из кафе: «Они забирают последнее...»

Банкир, заметив интерес Марка, машинально поправил галстук — это был его личный жест, который он повторял перед каждым объяснением системы новым клиентам.

— Позвольте объяснить, — его голос стал чуть теплее. — У нас чёткая иерархия ценности гормонов:

Серотонин (стабильность, счастье): 1 микрограмм = 100 токенов;

Дофамин (мотивация, удовольствие): 1 микрограмм = 50 токенов;

Окситоцин (социальные связи, доверие): 1 микрограмм = 25 токенов;

Адреналин (экстренные ситуации): 1 микрограмм = 10 токенов;

Кортизол (стресс-работа): 1 микрограмм = 5 токенов;

Тестостерон (лидерство, уверенность): 1 микрограмм = 3 токена;

Эндорфины (кратковременное удовольствие): 1 микрограмм = 1 токен.

Он говорил, а Марк видел за его спиной очередь эмоционалов. Одни — бледные, с запавшими глазами — сдавали последние крохи серотонина за токены, чтобы купить еду. Другие покорно подставляли считыватели к заборным устройствам — стационарным терминалам, считая, что у них бесконечное количество гормонов.

«Это не система платежей, — подумал Марк. — Это конвейер по переработке людей».

Позже, уже в лаборатории, доктор Лина показала Марку график. Она выглядела уставшей: под глазами залегли тёмные круги, а пальцы слегка дрожали, когда она указывала на экран.

— Вот здесь, — Лина ткнула в отметку 75 % потери выработки гормонов, — «точка невозврата». После неё организм перестаёт вырабатывать гормоны самостоятельно. Твои дети, Марк...

Она не договорила, но он понял. Тим и Лиза были на отметке 73 %. Ещё немного — и они станут полными синтетиками, без воли, без чувств, просто рабочими единицами системы. В памяти вспыхнули образы: Лиза, смеющаяся на качелях; Тим, восторженно показывающий найденного жука. Эти воспоминания теперь казались далёкими, почти нереальными.

— Но ведь это... несправедливо, — прошептал Марк.

Лина горько усмехнулась:

— Мы сами позволили этому случиться. Дали им ключи от наших эмоций.

Вечером Марк встретился с Игорем в подсобке резервации, где тот жил последние несколько лет. Воздух здесь пах машинным маслом и ржавчиной — запах забытых механизмов, которые ещё могли послужить.

— У системы есть слабые места, — Игорь говорил тихо, оглядываясь на дверь. — Резервные серверы — в подвале резервации. Старые, ещё с первых лет постройки. И считыватели... — он усмехнулся, — они уязвимы к электромагнитным помехам. Пару раз случайно замечал сбои после грозы.

— Что ты предлагаешь? — спросил Марк.

Игорь достал из кармана флешку:

— Здесь схемы вентиляции. Через неё можно добраться до подвала. Но нужно действовать быстро. Система уже заметила аномалии в твоих запросах при поиске архивов. И ещё... — он понизил голос, — Орлов готовится запустить новый этап проекта «Омега». Говорят, он позволит полностью контролировать выработку гормонов на расстоянии.

Марк похолодел. Если это произойдёт, все шансы на сопротивление исчезнут. Он вспомнил слова Лины о «точке невозврата» и представил, как Тим и Лиза теряют последние искры эмоций, превращаясь в бездушные механизмы системы.

— Мы не можем этого допустить, — твёрдо сказал он.

Ночью, спрятавшись в заброшенном отсеке лаборатории, Марк достал свой коммуникатор и зашифровал сообщение. Он ввёл код — тот самый, что когда-то передал Анне перед её уходом:

«А., подпольные лаборатории активны. Синтетиков принудительно превращают в доноров. Инфляция токенов ускоряет процесс. Найди тех, кто помнит о данных архива „Омега“. М.»

Он отправил сигнал через старую сеть приёма-передачи «Коммуникатор-пейджер» — ту самую, что использовали очень давно. Где-то далеко, за пределами резервации, Анна получит это сообщение на пейджер. И поймёт: Марк начал действовать. Сопротивление придумало этот способ, который не смогла отследить служба контроля министерства эмоциональной безопасности «Чистые гены». Сопротивление отправляло сообщения напрямую с коммуникаторов на аналоговые пейджеры с помощью секретного кода шифрования. У всех в сопротивлении были пейджер и коммуникатор: коммуникатор — для отправки, пейджер — для приёма.

Выходя из лаборатории, Марк остановился. Внизу, во дворе резервации, эмоционалы сдавали гормоны, а синтетики получали разрядку на работы. Серотонин меняли на хлеб, окситоцин — на право увидеть семью, дофамин — на чувство эйфории.

«Они не просто контролируют эмоции, — осознал он. — Они превратили чувства в валюту, а людей — в банкоматы».

На запястье мигнул считыватель: уровень серотонина — 12 %. Почти на минимуме. Но теперь он знал, где искать бреши в системе. И он воспользуется ими — ради детей, ради Ольги, ради всех, кто ещё мог чувствовать.

В кармане снова что-то завибрировало. Новое сообщение от Игоря:

«Марк, они что-то затевают. В архивах „Омега“ я нашёл новые данные. Я передал их Лине».

Марк посмотрел на часы. Было 02:45. Времени почти не осталось. Он застегнул куртку и направился к выходу, в темноту. По дороге он машинально коснулся запястья — считыватель снова мигнул, напоминая о том, что время на исходе. Где-то глубоко внутри он понимал: этот шаг может стать началом перемен — либо системы, либо его собственной жизни. Но выбора уже не было. Впереди ждали подвал резервации, серверы и первый реальный удар по механизму, который отнимал у людей их сущность.

Глава 7. Тайна синтетиков и архив «Омега»

Серые здания резервации высились мрачными монолитами, а редкие фигуры синтетиков механически передвигались по своим маршрутам. Взгляд Марка невольно задержался на группе детей — среди них могли быть Тим и Лиза. Сердце сжалось: он представил, как их глаза постепенно теряют живой блеск, уступая место пустой покорности системы.

Доктор Лина подошла бесшумно — её лёгкие шаги почти не были слышны на мягком покрытии пола переговорной. Она протянула Марку ещё одну тонкую папку с надписью «Архив „Омега“». В папке лежали не просто документы, а ключ к пониманию того, как система контроля эмоций эволюционировала от гормонального паспорта (заложенного ещё в 1980-х) до токенов — универсальной электронной валюты.

— Ты должен это увидеть, — тихо сказала она. — Игорь нашёл новые данные в старых архивах. Это меняет всё.

Марк взял папку, ощутив пальцами шероховатость бумаги — в мире цифровых данных настоящие документы стали редкостью. Он открыл её, и первые строки заставили его замереть: «Эксперимент по классификации синтетиков:

Искусственные синтетики — лица, утратившие способность к выработке гормонов вследствие систематической сдачи через стационарные терминалы-экстракторы. Наблюдается прогрессирующая деградация эмоциональной сферы.

Врождённые синтетики — индивиды, не вырабатывающие гормоны с рождения. Причина: генетическая предрасположенность, усиленная гормональной истощённостью родителей (постоянная сдача гормонов в течение нескольких поколений)».

— Это... не может быть правдой, — прошептал Марк, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Может, — вздохнула Лина. — И это только начало. Смотри дальше.

Он перевернул страницу и увидел заголовок, от которого кровь застыла в жилах: «Проект „Омега“: план полного перехода на искусственных синтетиков к 2030 году». Ниже шли графики, таблицы, расчёты — всё указывало на то, что система не просто контролировала эмоции, а целенаправленно уничтожала их. Данные напрямую восходили к ранним экспериментам Ивана Сергеевича и Елены и к системе слежения Орлова.

Марк провёл пальцем по строкам, перед глазами всплыли фрагменты прошлого: первые эксперименты с гормональным контролем, смерть испытуемого из-за избыточного уровня дофамина, создание резервационного центра в Заполярье...

— Но зачем? — спросил он, поднимая глаза на Лину.

— Стабильность, — ответила она. — Синтетики не бунтуют, не чувствуют боли, не мечтают. Идеальные рабочие. Идеальные солдаты.

В этот момент дверь открылась, и вошёл Игорь. Его лицо было бледным, глаза горели тревожным огнём.

— Марк, — выдохнул он, — я получил доступ к камерам резервации. Тебе нужно это увидеть.

Они прошли в соседнюю комнату, где на стене висел большой экран. Игорь нажал несколько клавиш, и на экране появились изображения коридоров резервации. Марк сразу узнал место — это был блок, где содержались дети.

Камера показала, как двое охранников подходят к группе ребят. Один из них — Тим — сделал шаг вперёд, что-то говоря. Охранник резко взмахнул рукой, и считыватель на запястье Тима мигнул красным. На экране высветилась надпись: «Штраф: 5 токенов за нарушение режима».

— Нет... — Марк еле сдерживал свои эмоции.

Игорь молча протянул ему гарнитуру связи.

— Анна на линии, — сказал он. — Она кое-что нашла.

Марк надел гарнитуру. Голос Анны звучал глухо, но отчётливо:

— Марк, я связалась с подпольем. Они подтвердили: есть сеть подпольных лабораторий. Там искусственных синтетиков используют постоянно как доноров гормонов. Их заставляют испытывать эмоции искусственно — через стимуляцию мозга. Гормоны потом продают на чёрном рынке за токены. Это прямое продолжение экспериментов с экстрактором гормонов, только теперь всё поставлено на поток. Из их гормонов не делают «Эликсир эмоций», гормоны продают сразу после извлечения.

Марк почувствовал, как внутри поднимается волна гнева, смешанного с отчаянием. Он вспомнил слова из дневника, который Лина показала ему чуть раньше: «Мы выращиваем эмоции, как урожай. А чувства? Их больше нет». Теперь он понимал, что это не просто метафора, а описание реальной системы, построенной на эксплуатации эмоций.

— Лина, у тебя остался дневник Ивана Сергеевича? — хрипло спросил он.

— Да, — ответила Лина, протягивая ему потрёпанный блокнот. — Первые эксперименты с гормональным контролем. Он предупреждал, но его не услышали.

Марк открыл дневник на случайной странице. Запись была сделана неровным почерком, чернила местами расплылись:

«Сегодня мы достигли 90 % эффективности. Субъект больше не чувствует боли, только выполняет команды. Но когда я посмотрел в его глаза... Там ничего нет. Ни страха, ни надежды. Только пустота. Мы создали не инструмент стабильности, а машину без души. Боюсь, мы уже не сможем остановиться».

Слова «машина без души» отозвались в сознании Марка. Он посмотрел на экран, где Тим и Лиза стояли рядом, опустив головы. Их движения были такими же механическими, как у взрослых синтетиков. В этот момент он осознал, что борьба за эмоции — это не абстрактная идея, а вопрос выживания.

— Мы должны действовать, — твёрдо сказал он и снова запросил связь с Анной. — Ты можешь организовать передачу данных всем?

— Уже делаю, — ответила Анна. — Подполье готово помочь. Но будь осторожен — если система узнает...

— Я знаю, — перебил Марк. — Но у меня нет выбора. Мои дети... Весь мир на грани.

Он повернулся к Лине и Игорю.

— Нам нужно больше данных из архива «Омега». И доступ к резервным серверам. Если мы сможем скопировать все записи и передать их подполью...

Лина кивнула.

— Я помогу с архивом. У меня есть коды доступа.

Игорь достал из кармана небольшой чип.

— А у меня — программа для взлома серверов. Но это опасно. Если нас поймут...

Марк посмотрел на экран, где дети всё ещё стояли под присмотром охранников. Он представил, как Лиза, которая когда-то смеялась так заразительно, теперь получает штраф за лишний вздох, а Тим теряет последние искры любопытства.

— Если мы не попробуем, будет хуже, — сказал он. — Начинаем сегодня ночью.

Когда они расходились, Игорь задержал Марка за руку.

— Есть ещё кое-что, — шепнул он. — В архиве упоминается «Протокол „Тень“». Говорят, это резервный план слежения на случай провала «Омеги». Но никто не знает, что это такое.

Новый слой тайны, ещё более зловещий, чем всё, что они узнали до этого. Марк вспомнил слова Орлова: «Тень — это порядок» — и понял, что «Тень» может быть ещё более радикальной версией контроля.

— Найди всё, что сможешь, — приказал он. — Это может быть ключом ко всему.

Он вышел из лаборатории, сжимая в руке дневник Ивана Сергеевича. Ветер, пробиравшийся сквозь щели в окнах, шевелил страницы, словно пытаясь что-то сказать. Марк знал: от их действий зависит не только судьба его детей, но и будущее многих людей. Впереди ждали ночь, риск и первый реальный шаг к противостоянию с системой, которая превратила эмоции в товар.

Глава 8. Мир разделённых и голос сопротивления

Марк ускорил шаг — каждый момент движения его тела отражался глухим эхом в пустоте. Взгляд скользил по лицам синтетиков — механичным, лишённым жизни, — и сердце сжималось от боли.

Общество окончательно раскололось на три части — словно три параллельных мира, которые почти не пересекались:

Эмоционалы-доноры — те, кто ещё мог вырабатывать гормоны. Они продавали свои чувства за токены, жили в относительном достатке, но постепенно теряли себя. Их глаза всё чаще казались пустыми, а улыбки — натянутыми. Многие из них были потомками тех, кого когда-то отправляли в резервации.

Синтетики-рабочие — люди, утратившие способность к самостоятельной выработке гормонов. Они выполняли рутинную работу, подчиняясь командам, и получали за это капли «Искры» — искусственного серотонина — и мизерное количество токенов. Их лица были лишены выражения эмоций, движения — плавными и предсказуемыми, как у роботов. Технология их создания восходила к блокираторам проекта «Омега» и ранним экспериментам с подопытными, о которых Марк узнал из дневника Ивана Сергеевича.

Элита — те, кто контролировал систему. Они жили за высокими стенами, окружённые охраной и привилегиями. Для них эмоции были не потребностью, а инструментом власти. Они опирались на данные проекта «Омега» (включающего его раннюю версию — «Архив „Омега“» — и новую цифровую версию — «Протокол „Омега“») и протоколы подавления, включая секретный «Протокол „Тень“», о котором Игорь упомянул недавно.

Марк остановился у окна. За стеклом простирался город — сверкающий огнями, полный жизни... для кого-то другого. Здесь, в резервации, время будто остановилось. Он вспомнил слова Лины: «Синтетики не бунтуют, не чувствуют боли, не мечтают. Идеальные рабочие. Идеальные солдаты» — и понял, насколько точен был её диагноз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.